

УДК 304.4

М. В. Белозёрова

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

В статье отражена многоаспектность понятий «мультикультурность», «мультикультурализм», «толерантность», проанализирован комплекс проблем, характерных для мультикультурного общества, рассмотрены основные принципы реализации мультикультурной политики и формирования толерантности в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: мультикультурная политика, толерантность, межкультурное взаимодействие.

M. V. Belozerova

MULTICULTURAL POLICY AND TOLERANCE: THE PROBLEM OF FORMING AT THE FEDERAL AND THE REGIONAL LEVEL

The essay is devoted to the problem of multicultural aspects of modern policy and society in Russian Federation. The author characterized several interpretation such categories as the «tolerance» and the «multiculturalism» in Russian historiography. The Tolerance formation's been investigated on two levels, federal and regional.

Keywords: multicultural policy, tolerance, the intercultural interaction.

Понятия «мультикультурность», «мультикультурализм» как социальные явления многоаспектны в своих трактовках, что во многом определяется иерархическим характером соподчиненности социальных институтов, в рамках которых эта форма общественного взаимодействия проявляется. Его анализ можно проводить на различных уровнях – межгосударственном, федеральном, региональном.

Термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-е годы в период конфронтации и поиска путей управления бiculturalной (англо-французской) страной. Официальное политическое признание он получил в 1971 году [1].

Рассматривая понятия «мультикультурный», «мультикультурализм», «мультикультурные общества», «мультикультурность», следует отметить, что ими обозначают феномен, который имеет давнее происхождение. Общества, которые сейчас называют мультикультурными, ранее именовались мультинациональными, мультиэтническими, мультирелигиозными, мультирасовыми. Они рассматривались как проявления «культурного плюрализма», «культурных различий». С точки зрения О. С. Головачевой, «мультикультурность» и «мультикультурализм» в настоящее время употребляются в трех контекстах [1]:

1) в политическом, в рамках которого приводятся аргументы «за» или «против» политики мультикультурализма и соответствующего способа управления;

2) в эмпирическом (дескриптивный или аналитический) – имеет место в научных трудах и в общественных дебатах, затрагивающих различные проявления культурной неоднородности общества, и наиболее тесно связан с появлением «мультикультурных обществ»;

3) в социальной и политической философии применительно к вопросам социально-

го и политического порядка и прав человека в условиях неоднородности культуры того или иного общества.

Не выходя за рамки предложенных определений, под «мультикультурностью» мы понимаем наличие в обществе множества различных этнокультурных групп, под «мультикультурализмом» – мирное сосуществование различных этнических и религиозных сообществ, каждое из которых является носителем особой культуры. Вслед за У. Новотным, под «мультикультурностью» мы также понимаем не только уважение к «другому», толерантность, но и конструктивное взаимодействие, конвергенцию (процесс сближения, стабилизации, компромисс) разнообразных культур на основе взаимного признания их достижений и глубинных общих корней, «...возможность совместного переживания глубоких духовных состояний людьми разных конфессий и атеистических установок...» [2].

Анализ мультикультурности и мультикультуризма как формы общественного взаимодействия можно проводить на различных уровнях – межгосударственном, федеральном, региональном

В настоящее время предложенное понимание мультикультурности и мультикультуризма становится крайне важным, т. к. этнические и культурные различия, противостояние конфессий становятся поводом для нетерпимости, зарождения опасности непонимания и формирования различного рода предубеждений к людям иной национальности, другой культуры, вероисповедания. В ряде случаев нетерпимость принимает крайние формы экстремизма и ксенофобии. Поэтому не случайно «отказ» от «политики мультикультурности» в ряде европейских стран (Германии, Великобритании и Франции [3, 4]) Президент РФ Д. А. Медведев признал неподходящим для России. В част-

ности, он подчеркнул, что «...Россия не сохранится как государство без межнационального единства..., оно исчезнет» [5].

Сегодня в российском обществе наблюдается возрастающий интерес к проблемам мультикультурности и формирования толерантности. Он связан с рядом факторов: с полиэтничностью и поликультурностью государства, его социальной стратификацией, нарастанием миграционных процессов.

На федеральном уровне это проявляется в осознании представителями государственных органов и национальных элит факта, что Российское государство изначально формировалось как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное, что наложило отпечаток на его историю, культуру, язык, межнациональные и конфессиональные связи. Почти все народы вплоть до начала XX столетия сохраняли традиционный образ жизни, культуру, религиозные верования, нормы обычного права. До Октября 1917 года обострение межнациональных отношений в национальных районах, как правило, являлось реакцией на попытки государства унифицировать правовую систему и судопроизводство (согласование традиционных правовых систем народов России с общероссийской), ограничить национальные формы самоуправления. Однако требований выхода из состава России не было (за исключением Украины в XVII – начале XVIII веков) [6, с. 25, 27].

В советское время проводился государственный курс на ускоренные темпы интеграции национальных меньшинств в структуру модернизируемого общества, как правило, без учета региональной и этнической специфики, традиционных форм хозяйствования народов, экологического фактора некоторых регионов. Высокие темпы изменения социально-экономической структуры при нерешенности ряда социальных проблем

способствовали росту этнического самосознания, стремлению сохранить и развивать традиционную культуру, верования, родной язык [7, с. 3, 8]. В результате культурные различия в обществе не только не сгладились и не исчезли, но, наоборот, стали нарастать. Особенно это стало заметно с конца 1980-х – в 1990-е годы.

Социально-экономические реформы 1990-х годов привели к резкой стратификации российского общества, что, с нашей точки зрения, во многом способствовало формированию устойчивого мнения, что проводимый государством политический курс, в том числе и в сфере национальной политики, игнорирует, а иногда и входит в противоречие с этническими интересами населения [7, с. 3]. К тому же обозначенные факторы стали своеобразным «катализатором» возникновения и развития «национальных», «скинхедовских» и тому подобных «движений».

Миграции населения (межрегионального характера и из бывших республик СССР, ныне стран СНГ) также в определенной степени дестабилизируют обстановку. Миграционные процессы во многом определяются факторами экономического порядка и могут рассматриваться как риски для экономического, социального и культурного развития любой страны, в том числе и России. С одной стороны, за счет мигрантов восполняется недостаток в трудовых ресурсах, с другой – так называемая «замещающая» миграция имеет негативные стороны. Это психологическая дезориентация, появление и распространение девиантных форм поведения, маргинализация в среде мигрантов. Все это может угрожать их этнокультурной идентичности.

Но проблема заключается еще и в том, что мигранты концентрируются в районах, где не прослеживается отток местного населения, т. е. в мегаполисах, в густонаселенных

районах, где в достаточной степени хорошо развита инфраструктура. В результате растут цены на жилье, мигранты занимают трудовые места, среди местного населения возможен рост безработицы, падение уровня жизни, и как следствие – формирование негативного отношения к мигрантам, открытые столкновения и драки между представителями различных этносов (например, события в Кандопе – апрель 2006 года, в Москве – декабрь 2010 года) [8; 9].

Для Российской Федерации значимой проблемой является и так называемая «маятниковая» миграция – регулярные передвижения населения из одного населенного пункта в другой на работу или учёбу, ее регулярность соответствует режиму трудовой деятельности или учёбы. Для крупных городов России характерна маятниковая миграция молодежи из национальных районов Кавказа, Севера, Сибири и Дальнего Востока для получения среднего специального и высшего образования.

Перед всеми категориями мигрантов встает задача адаптации к социокультурной среде крупного города как промышленного, научного и культурного центра, учебного заведения, иноэтничной и инокультурной среде.

Таким образом, в настоящее время в России уже сформировался комплекс проблем, характерных для мультикультурного государства. Для их решения, прежде всего, необходима целенаправленная политика как на государственном, так и региональном уровнях.

На федеральном уровне Конституция РФ 1993 года закрепляет структуру государства и предусматривает ряд прав для сохранения и развития национальной структуры: право на сохранение родного языка, определение прав коренных малочисленных народов, запрещение пропаганды социального, расового, национального или языкового пре-

восходства [10, ст. 26, 29]. В течение 1990–2010-х годов в рамках мультикультурной политики РФ был принят ряд федеральных законов (например, «О национально-культурной автономии», Концепция государственной национальной политики РФ по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе и др.). На основе некоторых из них на региональном уровне также были приняты нормативно-правовые документы, предусматривающие сохранение и развитие национальной культуры этносов, проживающих в данном регионе.

Рассматривая реализацию мультикультурной политики на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях, по мнению ряда исследователей, наиболее явным ее признаком являются национально-культурные автономии (НКА) [1; 11] как средство «выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан» и как форма их национально-культурного самоопределения. НКА представляет собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям. На основе добровольной самоорганизации они самостоятельно решают вопросы сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры [12]. К 2002 году были созданы и прошли регистрацию 14 национально-культурных автономий федерального уровня (украинская, немецкая, корейская, белорусская, татарская, сербская, лезгинская, еврейская, азербайджанская, татарская, казахская), более 100 НКА регионального и более 200 местного уровней [1].

Помимо НКА в регионах активно действуют национальные культурные и общественные объединения, национально-культурные центры и ассоциации, что во многом определяет региональную специфику проявления мультикультурности и толерантности.

В качестве примера рассмотрим деятельность национальных объединений в Кемеровской области (Кузбассе), на территории которой проживают представители более 100 этносов, два из которых – шорцы и телеуты – отнесены к категории коренных малочисленных народов РФ. По данным на 2011 год, в регионе действует 43 национальных объединения, деятельность которых затрагивает многие сферы общественной жизни. Это защита социально-трудовых прав и интересов, воспитание и сохранение духовности и нравственности молодежи, воспитание толерантности, сохранение и укрепление исторических традиций, культурного и национального наследия и многое другое.

Национально-культурные и национально-общественные организации в Кемеровской области создавались неравномерно, этот процесс не завершён вплоть до настоящего времени. Первые объединения были созданы в 1989–1993 годах. Среди них особое место принадлежало национальным ассоциациям коренных малочисленных народов – Ассоциации шорского народа и Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат». Уже на начальной стадии своей деятельности они представляли интересы коренных народов и выступили своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами [13, с. 71]. Были сформированы и механизмы взаимодействия: проведение конференций, семинаров, съездов коренных народов, участие в разработке программ социально-экономического развития отдельных этносов и т. п. Несмотря на внутреннюю противоречивость, взаимодействие национальных ассоциаций и региональных органов власти было в достаточной степени эффективным. Результатом стало расширение правового поля деятельности ассоциаций, возможность обозначить свое отношение в решении социально-экономических проблем, используя механизм включения

отдельных пунктов программных документов ассоциаций в региональные и федеральные программы развития коренных малочисленных народов. К 2010 году приоритеты ассоциаций изменились. Возможно, это объясняется стратегической линией региональных и местных органов власти: с середины 1990-х годов произошла переориентация их работы на проблемы культуры [14].

Кроме национальных ассоциаций в Кемеровской области организовывались культурно-этнографические центры, национальные музеи, национальные благотворительные и религиозные организации, творческие коллективы. Значительную роль в их формировании играли представители городской национальной интеллигенции [7, с. 33]. Основные цели этих объединений – возрождение, сохранение и развитие самобытной культуры, традиций и обычаев этносов, национальных языков.

Таким образом, практическая деятельность национальных общественных и культурных объединений на региональном уровне органически вписывается в федеральную концепцию национальной политики. В результате, как на федеральном, так и региональном уровнях государством реализуются основные принципы мультикультурализма – сохранение и развитие культуры различных этносов, защита их прав и интересов.

Помимо политических решений сегодня для нашего государства большое значение имеет определение основных ориентиров, приемлемых для всех населяющих нашу страну народов и социальных групп. Одним из таких ориентиров может стать толерантность, отвечающая интересам страны в целом и реализуемая через культуру, пропаганду, образ жизни и традиции сохранения мира в многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном государстве. Она может содействовать поиску компромиссов,

преодолению конфликтов, предотвращению конфронтаций и войн. Проблемы мирного сосуществования представителей различных этносов, конфессий, культур, адаптации мигрантов, как нам мыслится, взаимосвязаны с воспитанием толерантности как потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, мировоззрения, как воспитание миролюбия, как формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме, уважения и признания к себе и к людям, к их культуре.

Во многих регионах РФ накоплен значительный опыт по формированию толерантности – это разработка и реализация программ по развитию толерантности среди молодежи, создание центров толерантности, организация и проведение выставок, арт-проектов, круглых столов, научно-практических семинаров и т. д.

В этом отношении представляется интересным опыт одного из ведущих вузов Кузбасса – Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Одними из стратегических приоритетов в университете являются формирование основ толерантности в студенческой и преподавательской среде и осуществление проектов по сохранению и развитию мирового культурного наследия национальных культур. Это тем более необходимо, т. к. в вузе помимо русскоязычных студентов обучаются представители коренных народов Сибири и Дальнего Востока – алтайцы, хакасы, шорцы, телеуты, тувинцы (маятниковая миграция).

Значительную роль в решении поставленных задач играет созданный в 2008 году научно-исследовательский институт толерантности и межкультурных коммуникаций. Цель деятельности НИИ – развитие и укрепление межкультурной коммуникации,

формирование толерантности, преодоление разрыва между технократической и гуманитарной культурами, продвижение русского языка, объединяющего разные культуры народов России, его изучение иноязычными и иностранными студентами.

Специфика вуза как университета культуры и искусств определила и специфику основных направлений деятельности НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций (научное и просветительское), и реализуемых проектов (научные проекты: «История и культура коренных народов Южной Сибири», «Национальная мозаика Кузбасса», «Русский язык в пространстве межкультурного диалога», «Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект»; просветительские проекты: «Диалог культур», «Большое чтение в Кузбассе»). Подробно с мероприятиями НИИ можно ознакомиться на официальном сайте Кемеровского государственного университета культуры и искусств: www.kemguki.ru (Творчество, НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций).

В заключении отметим, что в российской действительности толерантность сегодня может сыграть важную роль как одна из основ демократического процесса и процесса укрепления позиций Российской Федерации в международном сообществе с имиджем государства, ориентированного на мирное, конструктивное сотрудничество. В то же время важно понимать, что только эмоционального декларирования принципов толерантности недостаточно. Важно научиться самим и помочь другим видеть и понимать толерантность не как беспринципность, а как глубинное понимание мира, культуры. Любое общество, которое не является однородным с этнической, социальной и культурной точек зрения нуждаются в толерантности для того, чтобы обеспечить себе стабильность.

Современная Россия имеет шанс наследовать эти традиции и опыт межнационального и межкультурного сотрудничества и дружбы. Несомненно, значительная роль в этом отводится целенаправленной и взвешенной федеральной и региональной политике. Однако существенную помощь в этом,

на наш взгляд, может оказать формирование качественно нового информационного поля по обмену накапливаемым в субъектах РФ опытом конструктивного решения возникающих социальных проблем с учетом многогранности этнических и культурных интересов.

Литература

1. Головачева О. С. Мультикультурализм как модель поликультурного общества и его применимость в современной России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/art.php>. – Загл. с экрана.
2. Новотный У. Мультикультурность и ненасилие новые парадигмы в международных, социальных и межличностных отношениях / Центр гуманистических исследований в Москве (Moscow Center of Humanist Studies – Centro de Estudios Humanistas de Moscú) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text>. – Загл. с экрана.
3. «Политика мультикультурности провалилась и в Британии» // Война и мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/>. – Загл. с экрана.
4. «Кэмерон отверг политику мультикультурности» // Русский Дом Балтии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruskijdombaltii.lv/index.php>. – Загл. с экрана.
5. «Дмитрий Медведев: В России краха мультикультурности нет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.samosozidanie.ru/vera-i-religiya/news>. – Загл. с экрана.
6. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. – М.: Изд-во «Наука», 2003. – 378 с.
7. Белозёрова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – 56 с.
8. «Эхо Москвы»: Заявление Общественной палаты по поводу событий в Кандопоге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=467395>. – Загл. с экрана.
9. Фалалеев М. Скорбь и провокация // Российская газета. Федеральный выпуск. – 13.12.2010 г. – № 5360 (281) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/11/fanaty-site.html>. – Загл. с экрана.
10. Конституция Российской Федерации (Принята 12 декабря 1993 г.).
11. Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе // «Регионология». [Электронный ресурс]. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/520>. – Загл. с экрана.
12. Федеральный Закон «О национально-культурной автономии». 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – М., 1996. – № 25.
13. Белозёрова М. В. К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск. – 2008. – № 312. – С. 69–73.
14. Белозёрова М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. – С. 265–270.